

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Н. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ЮНЬ. 1870 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глинки 1804-1854 гг. части I и II.	313
II. Военный бытъ въ Великомъ Новгороде XI—XV ст. Исслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, рескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Маріи Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генералъ-фельдмаршала кн. М. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, рассказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записка придв. брѣвлящика Позье 1729-1764 гг. и пис. Пискара 1781 г.	128	XIV. Русскіе писатели XVIII-го вѣка: Олешевъ и Дмитріевъ—Мамоновъ, исслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпа о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1786-1789 гг.	152	XV. Русскіе писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, Н. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, П. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзайнова, А. П. Степанова, сенатора М. Д. Дамилова, Н. А. Титова, А. П. Моръ, генер. М. Г. Сигунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морозиницк. († 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петроп. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ . 1-20	
VIII. Буить военныхъ посланій, рассказы очевидцевъ: о. I. Парова и П. М. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Прусскихъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контръ-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Сѣряжковскимъ. Въ статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., испол. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головина,

1870.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

въ 1825 и 1826 гг.

I.

Разсказъ сенатора И. Д. Данилова *).

Когда императоръ Александръ былъ боленъ въ Таганрогѣ, къ великому князю ежедневно привозили фельдъегери донесенія о состояннн государя. По полученнн извѣстнн о кончинѣ, великнй князь собралъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, сообщилъ имъ со слезами эту вѣсть и объявилъ имъ, что хотя окружающне покойнаго государя признали великаго князя императоромъ, и князь Волконскнй и баронъ Дибичъ съ прочими находившимися тогда въ Таганрогѣ прислали къ нему присяжные листы, но онъ, великнй князь, возвращаетъ имъ оныя, ибо отрывается отъ престола, сохраняя свято и по чести данное покойному императору обязательство. При этомъ случаѣ онъ вынулъ изъ бюро бумагу и, давая читать ее Николаю Николаевичу Новосильцову, сказалъ, что такъ какъ Новосильцовъ долго находился при покойномъ государѣ, то хорошо знаетъ его почеркъ. Тутъ великнй князь разсказывалъ, что онъ хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской, но матушка и братъ не позволили; ; наконецъ, когда просилъ позволеннн вступить въ бракъ съ княжною Ловичъ, то оное получилъ, но не иначе, какъ давъ отреченне отъ престола». Надобно было составить это отреченне. Великнй князь не зналъ какъ его написать. Императоръ Александръ сказалъ ему, чтобъ изложилъ свою мысль какъ можетъ. Великнй князь написалъ и велѣлъ перебѣлнть. Императоръ Александръ собственноручно исправилъ приписками между строкаъ и по бокамъ и помарками. На-бѣло переписалъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ въ кабинетѣ государя. Великнй князь, подписавши переписанное, черновое взялъ къ себѣ. Великнй князь былъ увѣренъ, что объ этомъ актѣ никто не знаетъ кромѣ его, государя Александра, императрицы Марнн Фѣдоровны и Голицына. Полагалъ однако, что императрица-

*) Сенаторъ Иванъ Даниловичъ Даниловъ находился при цесаревичѣ съ 1801 года до самой его кончины и нѣсколько лѣтъ управлялъ военно-походною канцелярнєю великаго князя.
А. В.

мать сообщила это и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, любя ее особенно. Итакъ, когда великій князь, не принявъ присяги, написалъ къ великому князю Николаю Павловичу, какъ императору, сказавъ ему, что будетъ служить ему вѣрно въ тѣхъ же должностяхъ, какія имѣлъ при Александрѣ; а если это императору Николаю не угодно, то онъ, великій князь, желаетъ навсегда остаться частнымъ человѣкомъ и основать пребываніе свое въ Лазенкахъ, — императоръ Николай предоставилъ великому князю всѣ прежнія должности.

. Не извѣстно, былъ ли великій князь Константинъ Павловичъ приглашенъ въ Москву на коронацію императора Николая. Но онъ рѣшилъ туда ѣхать неожиданно. Былъ въ пути 5 дней; на станціяхъ ѣдущихъ изъ Москвы приказалъ разспрашивать, была ли уже коронація или нѣтъ? При вѣздѣ въ Москву великій князь, оставя Данилова и прочихъ спутниковъ своихъ въ ихъ экипажахъ у заставы Смоленской, самъ отправился прямо въ Кремль. Императоръ Николай былъ тогда въ Кремлевскомъ дворцѣ и занимался въ кабинетѣ бумагами. Великій князь Константинъ Павловичъ вошелъ въ ближнюю комнату и велѣлъ доложить о себѣ. Государю сказали о великомъ князѣ, не именуя его. Государь полагалъ, что это великій князь Михаилъ Павловичъ и велѣлъ ему подождать. Нѣсколько прошло минутъ, какъ кто-то изъ камердинеровъ доложилъ государю, что это не Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Тогда государь опрометью кинулся на встрѣчу и въ объятія брата, и оба поѣхали къ императрицѣ-матери, которая тогда жила на дачѣ....

Сообщ. А. Ф. Вычшовъ.

II.

Разсказъ адмирала Колчакова.

Въ разсказѣ сенатора И. Д. Данилова о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ 1826 г., сказано, между прочимъ, что, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя Александра Павловича, великій князь созвалъ въ Варшавѣ всѣхъ своихъ приближенныхъ и сообщивъ имъ со слезами эту вѣсть, объявилъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о своемъ отреченіи отъ престола. Помня раз-

сказъ отца моего¹⁾, бывшаго очевидцемъ этого происшествія, я считаю долгомъ пополнить воспоминаніе Данилова нѣкоторыми подробностями, вѣроятно упущенными имъ изъ вида, потому ли только, что онъ о нихъ забылъ, рассказывая о событіи 1826 г. въ позднѣйшее уже время, или что онъ не считалъ ихъ достаточно важными, дабы о нихъ упоминать.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Цесаревичъ, по полученіи съ фельдъегеремъ перваго извѣстія о кончинѣ императора Александра I-го²⁾, дѣйствительно созвалъ на другой день своихъ приближенныхъ, но не всѣхъ, и объявилъ имъ объ этомъ горестномъ событіи, ничего не сказавъ имъ притомъ о своемъ отреченіи;—только нѣсколько времени спустя, пова у него велась переписка съ Петербургомъ, съѣхались, по его приказанію, всѣ служащіе при немъ, въ Бриловскій дворецъ и онъ имъ объявилъ уже офиціально о кончинѣ государя, а потомъ и о своемъ отреченіи, какъ изложено въ рассказѣ Данилова. Это обстоятельство основываю я на слѣдующемъ рассказѣ моего отца, подтвержденномъ и другими свидѣтелями.

Въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о кончинѣ государя, въ Варшавѣ находился братъ его в. к. Михайлъ Павловичъ³⁾. Оба великіе князя провели всю эту ночь въ слезахъ и молитвѣ, а въ утру велик. кн. Константинъ созвалъ къ себѣ однихъ только самыхъ близкихъ въ нему довѣренныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и мой отецъ⁴⁾.

Выйдя съ заплаканными глазами изъ кабинета своего, объявилъ онъ имъ о горестномъ событіи, постигшемъ его и всю Россію.—Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, утирая безпрестанно платкомъ катившіяся слезы, и съ возрастающимъ волненіемъ повторялъ:

¹⁾ Павелъ Андреевичъ Колзакъ, впоследствии генералъ-адъютантъ, адмиралъ. См. «Русскую Старину» стр. 137—138.

²⁾ Это извѣстіе получено было имъ 25 ноября 1825 г. въ семь часовъ вечера.

³⁾ При великомъ князѣ Михайлѣ находился приѣхавшій съ нимъ въ Варшаву адъютантъ его полковникъ Илья Гавриловичъ Бибииковъ, впоследствии генералъ-адъютантъ, военный генералъ-губер. виленскій и пр. губерній.

⁴⁾ Событіе это происходило 26 ноября 1825 г.

— «Нашъ ангелъ отлетѣлъ, я потерялъ въ немъ друга, благодѣтеля, а Россія отца своего»... и т. п.

Наконецъ, увлекаясь постепенно, цесаревичъ прибавилъ:

— «Кто насъ поведетъ теперь къ побѣдамъ, — гдѣ нашъ вождь!... Россія осиротѣла, — Россія пропала!» Затѣмъ, закрывъ лицо платкомъ, Константинъ Павловичъ предался на нѣсколько минутъ величайшему горю. Всѣ присутствующіе молчали, стоя съ понижшими головами; въ это самое время отецъ мой видя, что никто не рѣшается привѣтствовать новаго государя и не зная ничего объ отреченіи его отъ престола, рѣшился, выступивъ изъ среды другихъ, сказать:

«Ваше Императорское Величество, Россія не пропала... а привѣтствуетъ...» но не успѣлъ онъ докончить свою фразу, какъ великій князь, весь вспыхнувъ, бросился на него и схвативъ его за грудь, съ гнѣвомъ вскрикнулъ:

«Да замолчите ли вы!... Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова!.. кто вамъ далъ право предрѣшать дѣла до васъ не касающіяся?.. вы знаете ли чему вы подвергаетесь?... Знаете ли, что за это въ Сибирь и въ кандалы сажаютъ?! извольте идти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу....»

Изумленный, не зная что и подумать, молча отдалъ отецъ мой свою шпагу гр. Курутѣ, тутъ же бывшему, и удалился во флигель дворца, въ комнаты занимаемыя этимъ генераломъ.... Полчаса спустя вошли туда вмѣстѣ съ Курутой и прочіе присутствовавшіе при этой сценѣ—и стали упрекать отца моего за его выходку. «Что тебѣ вздумалось—говорили они ему — подавать голосъ въ такую минуту? ты вотъ ушелъ, а послушалъ бы что намъ-то досталось?—Насъ в. к. упрекалъ въ совершенномъ безчувствіи: «У васъ и сердца нѣтъ» говорилъ намъ великій князь: «вся ваша ко мнѣ преданность одна маска! вы бы желали меня видѣть на престолѣ только изъ личныхъ видовъ, все ваше мнимое усердіе—одинъ расчетъ, вы только служите изъ-за крестичекъ и ленточекъ» и тому подобное.... Курута также присоединилъ свою нотацію, и пискливымъ голоскомъ своимъ сказалъ:

— «Монъ серъ, я не понимаю, какъ вы не знаете до сихъ поръ великаго князя, а еще такъ долго при немъ находитесь.... Вамъ извѣстно, что его высочество не любитъ, когда его пербиваютъ; что же это за выходка такая въ самомъ дѣлѣ?»

«Да помилюте, Дмитрій Дмитріевичъ, — отозвался мой отецъ, — я ждалъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ его привѣтствовалъ какъ государя, но всѣ молчали; наконецъ мнѣ больно было видѣть его отчаяніе и грусть, я хотѣлъ отвлечь его на время отъ его горести, ободрить его тѣмъ, что Россія не пропала....»

— «Да какое вамъ, монъ серъ, дѣло до этого, — возражалъ Курута — Россія пропала... ну, Христось съ ней, пропала!.. на словахъ все можно сказать, но къ чему тутъ было возражать!..»

Признаюсь, несмотря на взволнованное состояніе, въ которомъ я тогда находился, рассказывалъ отецъ мой, я не могъ вытерпѣть, чтобы не расхотѣться вмѣстѣ съ прочими; — хитрый грекъ самъ засмѣялся и наконецъ прибавилъ: «Вотъ вамъ, монъ серъ, ваша шпага, — которую великій князь приказалъ вамъ возвратитъ — можете свободно отправиться домой» — съ этими словами онъ раскланялся и пошелъ провожать в. к. Михаила Павловича, который въ этотъ день уѣзжалъ въ Петербургъ.

Прошло около двухъ недѣль послѣ этого происшествія. Цесаревичъ во все это время не выѣзжалъ изъ Бриловскаго дворца и никого не принималъ, занимаясь исключительно перепискою съ Петербургомъ; только нѣкоторые изъ его свиты посвящены были въ тайну — и съ нимъ дѣятельно работали. Въ этомъ числѣ были, сколько припомню, Курута, Н. Н. Новосильцевъ, Жандръ, баронъ Моренгеймъ (управлявшій дипломатическою частью, большою дѣлець), Даниловъ и, кажется, Кривцовъ, прочіе же ничего не знали о томъ что дѣлается.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ, вѣсть о смерти государя уже разнеслась повсюду. Движеніе въ городѣ сдѣлалось необычайное *). Всѣ знатнѣйшіе чины двора, военные и гражданскіе —

*) Въ Варшаву къ велик. кн. или императору одни за другими скакали изъ разныхъ концовъ Россіи вѣстники съ донесеніями: в. к. Николай Павловичъ отправилъ адъютанта своего Лазарева, и въ тотъ же день послалъ въ Варшаву бывшаго адъютанта и самаго сердечнаго, неизмѣннаго друга цесаревича Конст. Пав. — Федора Петровича Опочинина. Министръ юстиціи отправилъ состояншаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ Никитина, весьма худо принятаго велик. княземъ. Военный министръ гр. Татищевъ — своего адъютанта Андрея Сабурова, впоследствии директора театра. Князь Дмитр. Влад. Голицынъ, москов. воен. генер. губер., своего адъютанта ротмистра Павла Демидова и т. д. Изъ посланцевъ находчивостью отличился Андрей Сабуровъ. Прежде чѣмъ предстать предъ в. к. Константиномъ Павловичемъ, онъ свѣдалъ отъ камердинера, что в. к. крайне гнѣвается на тѣхъ

войско и духовенство, русское и польское готовились къ присягѣ и ждали только приказаній. Весь городъ былъ на ногахъ—къ Бриловскому дворцу подъѣзжали отовсюду гонцы, адъютанты, наконецъ и сами начальники за приказаніями и за новостями, но приему не было. Великій князь сказанъ нездоровымъ—и одинъ и тотъ же отвѣтъ все получался: «приказанія въ свое время будутъ объявлены, а покуда все остается по прежнему». Любопытство дошло до-нельзя. — Подъѣздъ гр. Куруты былъ формально осаждаемъ толпою служащихъ лицъ русскихъ и польскихъ. Но онъ также не принималъ никого и грубый лакей, бывший у него постоянно въ сѣняхъ, все отвѣчалъ на одинъ и тотъ же ладъ: «Графъ спитъ, или графа дома нѣтъ», не вдаваясь ни въ какіе разговоры, несмотря на предлагаемые ему часто злотуеи.... На третій день подъѣхалъ къ нему даже самъ намѣстникъ, старичекъ гр. Зайончекъ въ парадномъ мундирѣ и лентѣ и узнавъ, что графъ спитъ,—велѣлъ его разбудить, потому что весь государственный совѣтъ и сенатъ уже собрались въ парадныхъ мундирахъ и въ полномъ комплектѣ въ ожиданіи присяги, но и тутъ добиться онъ ничего не могъ—Курута ушелъ заднимъ ходомъ къ в. вн. и не показывался.

Вся Варшава переполошилась. Всѣ были какъ въ лихорадкѣ. Стали другъ ко другу разъѣзжать за новостями, много было толковъ, предположеній, заискиваній у болѣе вліятельныхъ; дамское общество въ особенности было въ большой тревогѣ, и кто только имѣлъ какую-нибудь лазейку въ Бриловскомъ дворцѣ, тотъ ею пользовался. — Подъѣзжали съ разныхъ сторонъ и къ княгинѣ Ловичъ—къ ея родственникамъ, допытывались даже у камеръ-юнгферы и у горничныхъ, но ничто не помогало.—Какъ римскій викарій до избранія новаго папы—такъ и Бриловскій дворецъ былъ нѣмъ и не высказывался, пока наконецъ послѣ

кто титулуетъ его — императорскимъ величествомъ; Сабурову однако не хотѣлось именовать Константина Павловича—высочествомъ, такъ такъ онъ еще не могъ знать, чѣмъ окончится все это событіе. И вотъ Сабуровъ во все время разговора съ в. к. ни разу не назвалъ его ни высочествомъ, ни величествомъ, а подавая в. к. пакетъ, на вопросъ Константина Павловича: «къ кому этотъ пакетъ?»—только тыкалъ пальцемъ на адресъ и невнятно бормоталъ: «къ Вашем... ..ству!» Константинъ Павловичъ обратилъ на это вниманіе и впоследствии шутилъ надъ находчивостью Сабурова. Ред.

долгихъ ожиданій истина не разъяснилась и великій князь объявилъ о своемъ отреченіи, какъ изложено въ разсказѣ Данилова.

Въ тотъ самый день, когда уже стали всѣ расходиться изъ Бриловскаго дворца — в. кн., увидѣвъ отца моего въ числѣ прочихъ, сказалъ ему: «Павель Андреевичъ, останься». Затѣмъ проведя его въ свой кабинетъ:

«Ну что», спросилъ онъ его: «слышалъ ли ты, и понимаешь ли теперь?»

«Слышалъ, ваше императорское высочество», отвѣчалъ мой отецъ.

— «Ага!.. ну скажи же мнѣ теперь, по совѣсти, правъ ли я былъ или нѣтъ?»

«Ваше императорское высочество, не мнѣ судить объ этихъ дѣлахъ—эта была ваша воля» *).

Затѣмъ послѣдовало довольно долгое объясненіе, въ которомъ в. кн. весьма откровенно высказывалъ всѣ причины, побудившія его къ отреченію; подъ конецъ онъ былъ очень разстроганъ и, какъ бы желая загладить прежнюю свою вспыльчивость, онъ взялъ отца моего за уши обѣими руками (обыкновенный его пріемъ, когда онъ былъ въ духѣ) и притянувъ моего отца къ себѣ, сталъ цѣловать его въ лицо, ласково приговаривая:

— «Надѣюсь, ты на меня не сердись; въ старое помянуть, тому глазъ вонъ. — Я знаю тебя давно — ты мнѣ душею преданъ, сохрани мнѣ это чувство до конца, и будь увѣренъ, я съ умѣю всегда цѣнить это, вотъ тебѣ моя рука!..»

Отецъ въ послѣдствіи разсказывалъ, что онъ былъ самъ такъ взволнованъ въ эту минуту, что ничего не могъ выговорить; слезы у него такъ и катились изъ глазъ.

Разсказъ этотъ дошелъ въ послѣдствіи до свѣдѣнія покойнаго государя императора Николая Павловича; при первой затѣмъ встрѣчѣ съ отцемъ моимъ, государь попросилъ его передать ему всѣ подробности этого эпизода и съ живѣйшимъ любопытствомъ выслушалъ то; чѣмъ мы, въ свою очередь, въ настоящей замяткѣ, сочли не безынтереснымъ подѣлиться съ читателями «Русской Старины».

*) Велик. князь повторилъ однакожъ свой вопросъ,—но когда узналъ онъ, что отецъ мой въ то время не былъ посвященъ въ тайну его, то изъявилъ сожалѣніе о своей горячности.

Чувство глубокой преданности къ своему благодѣтелю Константину Павловичу сохранилъ отецъ мой до конца—и довѣрие къ нему в. в. также неизмѣнилось. — Во всѣхъ счастливыхъ и горестныхъ минутахъ жизни цесаревича—отецъ мой всегда его сопровождалъ; такъ, напр., онъ былъ одинъ изъ немногихъ свидѣтелей вѣнчанія цесаревича съ княгиней Ловичъ;—ему одному поручилъ в. в. жену свою въ страшную ночь революціи въ Варшавѣ;—онъ былъ постоянно при ней въ Бѣлостокѣ и Витебскѣ и ему одному пришлось закрыть глаза своему благодѣтелю въ Витебскѣ въ день внезапной его кончины, и привести тѣло его въ Петербургъ.—Память о немъ сохранялъ отецъ мой свято и послѣ смерти велик. князя—и до самой своей кончины не пропускалъ онъ случая, каждый разъ, въ день рожденія и въ день кончины своего благодѣтеля и могу сказать друга, чтобы не поклониться праху его въ Петропавловскомъ соборѣ.

Разсказы и воспоминанія отца моего объ отношеніяхъ его къ цесаревичу Константину Павловичу, и о событіяхъ, сопровождавшихъ кровавые дни польской революціи 1830—1831 гг. я надѣюсь постепенно представить на страницахъ «Русской Старины».

Е. П. Колчаговъ.

ЗАПИСКИ М. А. ВЕСТУЖЕВА.

I.

Братья Вестужевы *).

Насъ было пять братьевъ и всѣ пятеро погибли въ крушеніи 14 декабря 1825 года. Посвящу нѣсколько строкъ для біографической замѣтки о каждомъ изъ насъ.

*) Пять братьевъ Вестужевыхъ принадлежали къ числу образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ эпоху 14 декабря 1825 года. Двое старшихъ изъ нихъ были весьма извѣстными дѣятелями въ области литературы, третій—уже давній служака въ военной службѣ, — былъ необыкновенно любимъ товарищами и солдатами. Всѣ пятеро были смяновья статскаго совѣтника Александра Федосѣевича Вестужева (р. 1762 † 1810 г.), издававшего въ 1798 году «Санктпетербургскій журналъ» и составившаго нѣсколько книгъ по части воспитанія. Смяновья его: Николай род. 13 апрѣля 1791 г. ум. 15 мая 1855 г. въ Селенгинскѣ; Александръ (Марлинскій) род. 23 октября 1797 г. уб. на Кавказѣ 7 іюля 1837 г.; Михаилъ — род. 22 сентября 1800 г.; Петръ род. въ 1806 г. ум. 1840 г. и Павелъ род. въ 1808 г., ум. 1846 г. Ред.